

Образ дома и образ города в книге П. Вайля «Гений места» (к вопросу о художественном хронотопе)

А. Ю. ПЕТУХОВА

(ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

Своеобразие организации книги П. Вайля «Гений места» определено стремлением автора создать в произведении особое художественное пространство — пространство мировой культуры. В статье анализируются образы, ставшие знаковыми в решении этой художественной задачи.

Ключевые слова: П. Вайль, эссе, хронотоп, художественное пространство, образ, образ автора, повествователь.

В книге писателя, российского и американского журналиста П. Вайля (1949–2009) «Гений места» (1999) каждому «месту» соответствует «гений» — кто-либо из великих деятелей мировой культуры. По словам автора, «идея любой главы этой книги и состоит в двойном... противопоставлении: каждый город, воспринятый через творческую личность, параллелен другой паре «гений — место» (Вайль, 2001: 7). «Место» — город, связанный с творчеством кого-либо из «гениев». «На линиях органического пересечения художника с местом его жизни и творчества возникает новая... реальность, которая не проходит ни по ведомству искусства, ни по ведомству географии» (там же: 8). Возникнув в воображении автора, новая реальность

становится художественным пространством книги.

Новизна творчества П. Вайля состоит в новом взгляде на мир, в результате чего возникла литературная форма, сочетающая в себе туристический путеводитель и искусствоведческое эссе. Новое содержание и новая форма потребовали особого художественного воплощения авторского замысла. В данной работе мы рассмотрим некоторые образы, с помощью которых создается необычное художественное пространство книги «Гений места».

Образ города — один из центральных в произведении. По мнению Вайля, в наше время «главные точки приложения и проявления культурных сил — города» (там же: 7).

Город аккумулирует современную культурную жизнь, хранит наследие прошлого. Он дает гению почву для творчества, служит источником и одновременно объектом творчества. В книге описаны 35 городов, каждый из которых представляет определенную ипостась единого образа города.

Одним из ключевых является и образ дома. Рассмотрим, как в книге создается этот образ.

Глава, посвященная Дублину и Лондону и соответственно Д. Джойсу и А. Конан-Дойлу, называется «Улица и дом». Образ дома противопоставлен образу улицы. Роман Джойса «Улисс» Вайль называет «справочным романом», путеводителем по Дублину. Но домов, описанных в романе, уже нет, или они пребывают в развалинах: «От дома, где жили Леопольд и Молли Блум... осталась только дверь. Она... вцементирована в стену и не ведет никуда» (там же: 64); «Сейчас этот дом... мертв окончательно: пустой, грязно-серый...» (там же: 66). Герои Джойса бездомны. Единственным надежным и крепким домом в романе «Улисс» Вайль считает могилу одного из героев. Еще одно место, которое заменяет человеку дом, — это паб: «В пабе шумно, жарко, тесно и темно... Но это единственные пристанища в голой бездомности джойсовских улиц» (там же: 65).

Главным здесь становится образ улицы как воплощение идеи пути. Для создания образов улицы и «бездомного» города Вайль использует мотив движения. Он следует за самим Джойсом и за героями «Улисса»: по берегу моря, где «так же шагал двадцатидвухлетний Джойс» (там же: 59); проходит «самый длинный в „Улиссе“ путь... с похоронной процессией» (там же: 61); совершает «шествие по вечерним дублинским пабам» (там же: 64). Так создается образ открытого пространства «вне дома», в котором происходит некое движение и одновременно ощущается бесприютность.

В противовес бездомности Джойса и Дублина Лондон и Конан-Дойл воплощают для Вайля «главное в британской иерархии ценностей — то, что так усердно разрушал Джойс. Дом» (там же: 69). Именно дом защищают герои Конан-Дойла, Холмс и Уотсон. Образ до-

ма как очага, пристанища, которое человек ограждает от остального мира, чтобы укрыться в нем и почувствовать свою защищенность, неоднократно встречается в рассказах Конан-Дойла. Он же становится ключевым в главе о Лондоне. Даже английский транспорт того времени представлял собой замкнутое пространство, скрывающее частную жизнь человека: «Английский поезд дублирует английскую улицу, где у каждого свой подъезд... по рельсам перемещается цепочка домиков» (там же: 71). Еще больше «дом на колесах» напоминает постоянно встречающийся в рассказах о Шерлоке Холмсе кэб.

Образ викторианского дома передает дух не только места, но и времени. Викторианство было внутри, в доме. Британская империя разрасталась, и у людей появлялась потребность в своем собственном, частном мире: «Ограждение своего — способ выживания в меняющемся мире» (там же: 72). Уют домашнего очага был спасением для англичанина той эпохи. Это отражает облик Лондона того времени: «...Толчея коробчатых экипажей на улице, занавешенные окна домов, и никого — без головного убора» (там же: 73).

Иное воплощение образа дома мы находим в главе о Японии: «некрасивый город» (там же: 380), «замкнутая бесконечность», «нагромождение серо-стального цвета» (там же: 385). В нем происходит непрерывное движение, в результате чего люди скапливаются в одном месте: «В городе образуются ядра конденсации, которыми может служить все, что угодно: универсальный магазин, ресторанный квартал, офисное здание...» (там же: 380). Люди объединены и разъединены одновременно, они сообщая бегут по улицам, но каждый стремится в свое убежище. Город — основной фон в романах Кобо Абэ, где «персонажи мечутся по городским улицам и прячутся в домах» (там же: 380).

Казалось бы, и здесь дом — укрытие, способ сохранить частную жизнь. Но идея дома иная, так как город и самоощущение человека в городе другие. Сравнивая движение жителей Токио по улицам с движением песка, Вайль заключает, что человек — как песчинка в мире: «Снова и снова Абэ напоминает: песчинка —

одна восьмая миллиметра... здесь подразумевается: человек — частица несколько большего размера» (там же: 380). Если человек ощущает себя мелкой частицей, дом для него — способ спрятаться, уйти в себя, стать незаметным. В одном из романов Кобо Абэ идея дома доводится до абсурда: «...Картонный ящик, который постоянно носит на себе человек, олицетворяющий таким экзотическим образом принцип анонимности горожанина» (там же: 380).

Образ дома приобретает новый смысл: дом — оболочка, под которой прячется человек. Эта идея дублируется образом маски-лица из романа Кобо Абэ «Чужое лицо»: лицо становится «упаковкой», за которой скрыта подлинная сущность человека. Идея упаковки, по мнению Вайля, занимает особое место в японской культуре: ничто не может быть вне формы. Даже упакованный в ящички обед, который японцы едят вне дома, сравнивается с «маленьким японским съедобным домиком» (там же: 388).

В главе «Квартира на площади» образ дома жителя древнегреческой столицы рисуется очень лаконично: «Дом был мал, жалок и неуютен. Легкие трехногие столы, жесткие низкие лежа, табуретки. Из такого дома муж легко уходил на люди, ведя жизнь шестидесятника: болтал без умолку» (там же: 41). Поскольку афиняне проводили большую часть времени вне дома, главным здесь становится образ площади, где проходила жизнь древних Афин.

В части главы, посвященной Риму, образ дома получает иное воплощение. Многие жители Древнего Рима жили в инсулах, многоквартирных домах, где жизнь человека была на виду у всех: «Инсула означает „остров“. Кусок архипелага в городском океане» (там же: 55). Здесь возникает образ обитателя такого многоквартирного дома, жителя большого города, готового к опасности и борьбе за выживание, как на острове посреди океана: «В гостиничной инсуле, многолюдной и опасной, обитают герои „Сатирикона“... сильные, гибкие, ловкие, хитрые, готовые ко всему, как подobaют островитянам. Жители многоквартирного дома большого города — особая человеческая категория...» (там же: 56).

Образ дома как основной составляющей жизни человека и города автор создает в главе «Портрет кирпича». Дом становится для Вайля знаком Амстердама — города, созданного для жизни простых горожан: «Редкие дворцы кажутся здесь доставленными извне. Амстердам — это увенчанный фигурным фронтоном дом на берегу канала в три окна шириной и четыре этажа высотой» (там же: 260). Для автора дома Амстердама — и материальная, и духовная опора человеческого бытия. Эти дома, как и искусство, поддерживают определенный баланс: «жизнь неизмеримо увлекательнее, искусство безмерно надежнее» (там же: 260). В Амстердаме человек не прячется в доме, а просто живет. Этот дом — не замкнутое пространство, он открыт миру: «За большими окнами... люди заняты незатейливыми домашними делами, сквозь раскрытые двери комнаты виден коридор, угол кухни...» (там же: 261).

Так возникает образ города, в котором люди живут спокойно, не чувствуя необходимости скрываться.

Очевидно, что образ дома в книге приобретает эмоционально-субъективную окрашенность в зависимости от того, как автор воспринимает город, как образ дома воплощен в творениях «гениев». В книге, несомненно, присутствует субъективное восприятие окружающего и авторский взгляд на творчество мастеров мировой культуры, вследствие чего и возникает та «неведомая прежде реальность», о которой мы упоминали вначале.

Автор-повествователь предстает в книге активной творческой силой. Он самобытен и неповторим в своем восприятии описываемых явлений, поэтому едва ли к этому произведению можно приложить известное рассуждение Р. Барта о «смерти автора». В связи с этим возникает сомнение в постмодернистской природе книги Вайля, но это повод для отдельной статьи.

Вместе с тем можно найти явные, на наш взгляд, переключки между книгой Вайля и романом А. Битова «Пушкинский дом», часто трактуемым как постмодернистское произведение. Конечно, в романе Битова говорится в основном о русской культуре, в первую оче-

редь о литературе, что подчеркнуто названием произведения. Вайль пишет не только о России и не только о литературе, но и о живописи, кинематографе, музыке. Книги различаются по уровню художественной силы и по жанру: Битов написал роман, Вайль — эссе. Но оба писателя создали в своих книгах особое художественное пространство — пространство обитания культуры, а образы города, дома, улицы у Вайля приобрели смысл ключевых знаков этого пространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вайль, П. А. (2001) Гений места. М. : Независимая газета.

Дата поступления: 02.06.2012 г.

THE IMAGE OF THE HOUSE AND THE IMAGE
OF THE CITY IN THE BOOK ENTITLED
«THE GENIUS OF PLACE» («GENII MESTA»)
BY PYOTR VAIL (TO THE ISSUE
OF THE ARTISTIC CHRONOTOPE)

A. Yu. Petukhova

(Far Eastern Federal University)

The distinctiveness of the organization of the book entitled «The Genius of Place» («Genii mesta») by P. Vail is determined by the author's aspiration to create a special art space in his work — the space of world culture. The article analyzes the images, which has become significant in the solution of this art task.
Keywords: P. Vail, essay, chronotope, art space, image, image of the author, storyteller.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Vail', P. L. (2001) Genii mesta. M. : Nezavisimaia gazeta.